

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Окончание.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–11 за 2011 год*

**Гале Кулаковской 17 лет 4 месяца,
Саше Раскиной 12 лет 2 месяца.**

22 июля 54.

Когда Сашка не умела плавать, Шура боялся, что она потонет у этого берега. Теперь, когда она научилась плавать, Шура боится, как бы она не потонула у того берега.

Покой нам только снится!

23 июля 54.

Саша прочла книгу о Мари Кюри:

— Я кончила эту книгу. Даже устала.

— Хорошая книга?

— Не так книга, как Мари. Больше всего мне нравится в Мари ее гениальность. (!)

И конечно же:

— А кто был гениальнее — Пьер или Мари?

*

Оказывается, еще три года назад Егор дал клятву, что не женится раньше тридцати лет.

*

Нина:

— Если у нас в классе будет хоть один такой мальчик, как Егор — это будет благодарение Богу!

*

Саша очень любит Егора, но не может примириться с его аполитичностью.

30 июля 54.

Галя читает «Страницу любви».

— У, холера! — говорит она про Жанну.

Нина:

— Я считаю, что она просто психическая.

— Нина!!! Ты читала «Страницу любви»?!

— Да. А что?

2 августа 54.

Саша маме Соне и папе Абе:

«Здравствуйте, дорогие папа и мама! Как вы поживаете? Поздравляю вас с внучкой. Говорят, что она очень хорошенькая, беленькая и чистенькая и чудненькая. Я очень хочу ее скорее увидеть. Правда смешно, что Изя и Машенька — папа и мама!

Мне тут очень хорошо. Я живу припеваючи.купаюсь, плаваю, играю в крокет, вообще играю с ребятами. Тут очень весело.

Позавчера была вечеринка. Приехал такой Саша Ленгулов, вы, наверное, его помните — такой толстый и красивый. Он по-

ступил в архитектурный и по этому поводу устроил вечер и было очень весело.

Целую вас. Привет Бастикю, который съел нашу рыбу.

Саша».

*

Ниночка — бабушке.

«Дорогая бабушка! У нас тут столько событий случилось за последнее время, и обо всем нужно рассказать. Позавчера приходили в гости родители Миши Пименова, который больше всех кричит и мошенничает на крокете. Юрий Иванович принес шампанское, которое так и не выпили (Юрий Иванович — художник). У него с тетей Фридой разгорелся ужасный спор, сперва об «Оттепели» и о статье Симонова, а потом об Ахматовой, Пастернаке и Фальке. Юрий Иванович ужасно кричал, тетя Фрида чуть не плакала, а мы с Сашей сидели застывшие и так боялись, что они подерутся, что не могли вымолвить слова. Дядя Шура старался успокоить их, но на него все кричали. (Все-таки они не подрались)».

*

СПОР

(Ужасное происшествие)

Цвел по дороге подорожник,

Плыл волосатик по реке... [1]

Пришел к писателю художник,

Держа шампанское в руке.

«Жена художника» (картина!)

С ним вместе, как всегда, была,

Отца имея Константина,

Сама Наталией слыла.

«Жена писателя» (новелла!)

Гостей позвала ко столу,

Где кекс, задуманный так смело,

На вкус напоминал золу.

...Остатки сыра и тянучек

Сомнительный ласкали взор,

И гость решил, что будет лучше

Затеять умный разговор.

Затеять не за страх, за совесть;

И, верный своему чутью,

Назвал он Эренбурга повесть

И симоновскую статью.

Вполне освоив темы эти,

Он делал смелые мазки...

Идут часы, трясутся дети,

Притихли мирные Пески...

Хозяйка слышит: — Литработник!

Вы страшный обросли корою!

Не академик! Не герой!

Не мореплаватель! Вы — плотник!

Да, гостю было не до лоску,

Глазами страшно он вращал,

И подарить хозяйке соску

И погремушку обещал.

Туманит взор слезы вуалька

И, жертва бедная судьбы,

Она шепнула имя Фалька... [2]

Тут гость поднялся на дыбы.

Все потонуло в шуме, в гаме,

Рыдает в голос детвора...

Он Фалька потоптал ногами,

Про Эрзю [3] заявил: мур!

Он долго бегал по балкону,

Себя не в силах превозмочь,

Картина Ю. И. Пименова:
комната на даче Пименовых в Песках.

[Про «Эренбурга повесть» («Оттепель», журнал «Знамя», май 1954 г.) и «симоновскую статью» («Новая повесть Ильи Эренбурга», Литературная газета», 17 и 20 июля 1954 г.) подробно пишет Б. Сарнов в книге «Сталин и писатели», т. 4.

Летом 1954 г. споры, подобные тому, что разгорелся между Ф. А. и Ю. И. Пименовым, были характерны для интеллигенции. «Люди оттепели», как называет их Сарнов (имея в виду уже не столько повесть, сколько период нашей истории, которому она дала название), спорили с теми, кто был на стороне обрушившегося на Эренбурга К. Симонова, который защищал от него «наше замечательное советское искусство».

Эренбург выводит в своей повести двух художников: официального благополучного циничного Пухова и нищего, но не продавшего свой талант Сабурова. В образе Сабурова многие видели опального художника Фалька. (Про то, как в начале 1954 г. Ф. А. с подругой ходила в мастерскую к Фальку, см. К. Видре, «В мастерской у Фалька», <http://www.vestnik.com/issues/2004/0414/win/vidre.htm>. Автор приводит также запись из блокнота Ф. А. о похоронах Фалька.)

Пименова, одновременно и признанного, и не утерявшего таланта художника, которому творческая манера Фалька была глубоко чужда, раздражала расстановка сил в «Оттепели», где он не мог (и не хотел) идентифицироваться ни с Пуховым, ни с Сабуровым. Он был полностью на стороне Симонова, статью которого Сарнов характеризует как «начальственный окрик». Что касается Ф. А., то она, естественно, была «человеком оттепели» и начальственных окриков не терпела.

Добавлю только, что несмотря на накал этого спора, Ф. А. и Ю. И. врагами не стали, и в 1957 г., когда наша семья переехала в новую квартиру, Ю. И. пришел к нам на новоселье и подарил свою замечательную картину. На ней изображена комната на даче в Песках. На столе стоят знаменитые наши песковские ночные фиалки, за которыми мы ходили далеко в лес. — А. Р.]

Подобно дикому дракону
Он фыркал пламенем сквозь ночь...
Хозяин, как военнопленный,
Дрожал, предчувствуя расстрел,
Назвав Наталию Еленой,
Он в страхе на нее смотрел...
Распотан в доску подорожник,
Нет волосатика в реке...
Шел от писателя художник
Как самолет идет в пике.

*

Любезный Юрий, свет Иваныч!
Вы потеряли килограмм?
Ведь это вредно — спорить на ночь.
Давайте спорить по утрам.
Давайте спорить громко, пылко
И, помните! Вас ждет бутылка!

Дружественный Вам
А. РАСКИН

3 августа 54.

Егор:

— Саша, давай обещаем друг другу, что постараемся зимой
видеться каждое воскресенье.

Саша, с готовностью:

— Давай обещаем!

*

Саша:

— Егор, слушай, все-таки очень странно получается в «Земле
Санникова»: ведь у них были жены на Большой Земле. Как же они
стали выбирать себе новых жен?

Егор, подумав:

— А что же им оставалось делать?

Саша, с негодованием:

— Но ведь это нехорошо! Ведь у них уже были жены! Зачем
же новые?

Егор:

— Но ведь те жены были далеко. А там сказано, помнишь: «Без
женщин жить скучно».

Песковские друзья Гали и Саши
Алена и Егор Вальтер, 1954 г.

4 августа 54.

Егор пришел нынче с тщательно подготовленным комплиментом:

— Поздравляю тебя, Ниночка! — сказал он, протягивая ей руки.

— Как? — возмутились мы, — поздравляешь с отъездом?

— Нет, с тем, что ее полюбили Пески — видите, дождик начинается? Это Пески плачут, прощаются.

На вокзале Егор поцеловал Нину в правую щеку, Сашка — в левую, а потом Саша и Егор долго еще бежали за поездом, махали руками и посылали воздушные поцелуи.

5 августа 54.

Саша:

— Егор, а почему ты дал такую клятву, что до 30 лет не женишься?

Егор:

— Видишь ли, мой двоюродный брат Миша очень рано женился, и моя мама сильно огорчалась тогда. И я, чтобы ее утешить, обещал, что женюсь не раньше 30 лет.

Саша:

— Уж лучше б ты поклялся жениться в 25. До 30 очень долго ждать, правда, мама?

8 августа 54.

Егор:

— Саша, перепрыгнула бы ты через класс, мы бы вместе учились. Конечно, я мог бы остаться на второй год и подождать тебя, но это как-то нехорошо. Скажут: второгодник. *И тебе неприятно, и мне.*

*

Саша, читая «Тристана и Изольду» [4], шепчет:

— Боже мой! Какой ужас! Ужас какой!

Она же:

— Я не понимаю людей, которые пишут книги с плохим концом. Ведь это же ужас!

Когда я перечитываю «Уленшпигеля», я не читаю про смерть Клааса. Я пропускаю это место. Я читаю, как откармливали монаха, все про гёзов, а про смерть Клааса — нет, не могу. А что же перечитывать в «Тристане»? Там все грустно.

Узнав, что я пишу Александре Яковлевне:

— Спроси у нее, пожалуйста: если Марк был такой хороший, почему он не выслушал Тристана и Изольду? Тогда бы все стало ясно, и он бы понял, что они ни в чем не виноваты.

21 августа 54.

Саша, увидев новорожденную Леночку, задала несколько вполне нелепых вопросов:

1) Есть ли у нее коленки?

2) Не может ли она постепенно превратиться в мальчика?

и т. д.

*

Сашка:

— Ах, как приятно, когда начинаешь есть, и как грустно, когда кончаешь...

Шура:

— Обжора ты все-таки!

Саша, обиженно:

— Я обжора, да? Я обжора, да?

Шура:

— Нет, нет, ты — не обжора: ты — отличница еды! ты — ударница еды!

26 августа 54.

Вчера у детей была прощальная вечеринка. Сашка и Егор нарядились цыганками и предсказывали судьбу. Стихотворные предсказания написал Шура. Сочиняя, он приговаривал сквозь зубы:

— Состарили вы меня, состарили!

Я считаю, что он халтурил, но восторг был полный!

Будущему художнику Лева Шепелеву было предсказано:

Молодой человек, уважаемый Лева!

Сын своего папы Шепелева!

Талант твой очень даже великолепен.

Работай, работай, работай, как Репин!

Виден в тебе автор будущей панорамы:

«Иван Грозный не слушается своей мамы».

Тане Народицкой:

Таня, Таня, ты — не плачь!

Таня, Таня! Будешь врач!

Когда кончишь ты учиться,

Мы придем к тебе лечиться!

и т. д.

*

— Мама, как ты думаешь, мы с Егором всю жизнь будем дружить или нет?

Первое сентября 1954 г.

Галя пошла в вуз (физический факультет педагогического института им. Потемкина).

Сашка пошла в 6-й класс.

— Хорошие мальчики у нас в классе? — спросила она Галю Людмирскую, которая вернулась с дачи раньше нас и поэтому более осведомлена.

— Самые *ерундовы*, — ответила Галя.

*

Сашка:

— Мама, я хочу не со школой пойти на сельскохозяйственную выставку, а с тобой: чтоб вместе удивляться и радоваться *вместе*.

*

Сашино письмо в «Пионерскую правду»:

«Дорогая редакция!

Я хочу с вами посоветоваться. Один мальчик из нашего 6^а класса сказал моей подруге Гале: «жидовка». Мы с Галей сказали ему, что он фашист. И что так говорил Гитлер. Но он ответил: «Вас евреев надо бить. И вообще всех евреев нужно посадить в тюрьму или выгнать из города». Он утверждает, что все так говорят. Еще он сказал, что Берия был еврей. Вообще он считает, что все хорошие люди — русские, а все плохие — евреи. Нам с Галей на это наплевать. Мы не оскорбляемся, не обижаемся, мы его просто презираем. Но зачем же ему вырастать фашистом? Кому он такой нужен? Что же делать? Как с ним разговаривать? Как действовать дальше? Вот об этом-то я и хочу вас спросить. И я, и Галя, и этот мальчик — пионеры. До свидания. Очень прошу вас мне ответить.

Саша Раскина».

Из редакции ответили:

«Дорогая Саша, не волнуйся: этот мальчик не может вырасти фашистом — ведь он живет в нашей Советской стране. С уважением, и т. д.»

4 октября 54.

Мы с Сашей спросили у Бориса Дорошенко — согласился бы он первым полететь на луну?

Он ответил горячо: — Ну, конечно! Как можно спрашивать?! Это было бы такое счастье!!!

Саша:

— А я бы побоялась. В мировом пространстве, без мамы — бр-р...

*

Саша:

— Досталась бы мне плохая мама — вот был бы номер!!!

*

— Мама, ну до чего же хорошо, что ты не красишься! Ну до чего же хорошо!

*

Галя сейчас живет на Сретенке. Когда она приходит, Саша не спускает с нее влюбленных глаз. Уходя, Галя удостоивает Сашу поцелуем, чего тоже прежде никогда не бывало. Вот уж поистине — врозь скучно...

*

Сашка начала и не закончила письмо Изе:

«Ты говорил, если дернут за косу, нужно стукнуть. Но ведь я сижу на первой парте, а перед партой стол — а за столом учительница. Если дернут, то я не могу стукнуть, потому что заметит Валентина Николаевна, и пожаловаться не могу, скажут — ябеда. Что же мне, так и терпеть все время?»

Нынче один парень стукнул ее по очкам — едва не разбил. Эх, ма.

*

— Если б не Галя Людмирская, я хотела бы перейти в другую школу.

8 октября — Шуре 40 (сорок) лет.

Носи, наш милый, рубашки
От мамы, Гали и Сашки.

9 октября 54.

Галя написала в факультетскую стенную газету такую заметку:

«На днях я шла с одной девушкой из нашей группы. Не помню, о чем шла речь, но она вдруг сказала: “Не люблю евреев, они все такие предатели!”

К стыду своему должна сказать, что я так опешила, что даже ничего не возразила ей. Но забыть об этом разговоре я не могу. Ведь девушка эта комсомолка и будущая учительница.

Мой отец (да и не только мой) погиб на фронте. Он был русский, и он отдал жизнь за то, чтобы все люди дружили между собой без различия национальностей.

Неужели же наши отцы погибли в борьбе с фашизмом для того, чтобы мы носили в себе его бациллу?

Я не называю имени этой девушки. Ведь дело не в том, чтобы объявить ей выговор, а в том, чтобы она задумалась над своими словами, над своими мыслями, над тем, как она будет растить и воспитывать детей».

Заметку не напечатали.

5 ноября 54.

Саша:

— Нечестно все-таки поступают писатели! Сначала говорят: учитесь, для вас главное — учиться, а на фронте без вас обойдутся. А когда кто-нибудь из ребят убежит на фронт, его потом и хвалят, и прославляют, и говорят: «... он иначе поступить не мог!» Нечестно, все-таки.

*

Саша, мне:

— Ах, ты моя Забава Путятинна!!!

*

Саша:

— Удивительная ты, мама: каждый день умываешься до пояса холодной водой, хоть никто не заставляет! По своей воле! Чудная ты!

*

Саша:

— Если бы у меня был дар гипноза, — ох, я бы и злоупотребляла!

— А что бы ты делала?

— Не выучила бы урока, стала бы глядеть на учителя и внушать: не спрашивай! не спрашивай! А если выучу: спроси! спроси!

*

Саша:

— Мама, почему тетя Ира так сказала про Вову: «они мне могут мальчишку сломать» — почему это сломать? Как это?

— Ну, если бы наказали несправедливо — могли бы сломать, ну, понимаешь — обидно бы ему было, горько.

— И я могу сломаться? Нет, я не могу. Вот мне плохо, вот мне страшно — а ты подойдешь, поцелуешь — и все сразу пройдет. Нет, я не могу сломаться.

24 февраля 55.

Саша:

— Мама, я разочаровалась в Опанине.

— ?

— По радио передавали его песню, велели выучить. Вот послушай:

Дела колхозные —
Дела серьезные.
Поля зеленые,
Нужны ученые
И инженеры нам нужны.
Привет тебе,
О, Родина, привет!

26 февраля 55.

Галка сдала первую сессию.

Аналитическая геометрия — 4.

Физика — 5.

Математический анализ — 4.

Слова всё какие!

*

Галя пошла в поход — на 10 дней.

Вместо того, чтоб дышать — смеется.

— Мама! Я ватник купила — на свою стипендию!

12 июня.

Сашка уехала в Ленинград к бабушке Вале. Перешла в 7-й класс.

29 июня 55.

Саша, возвратившись из Ленинграда: — Мама, тебя тетя Нина Дьяконова любит — ну, дальше некуда. А ты ее?

— Я тоже.

— Ну вот, я рада, а то я не люблю, когда один любит, а другой в ответ — нет.

Помолчал:

— А есть такие вещи, которые ты ей рассказываешь, а мне — нет?

— Есть.

С обидой:

— Почему?!

— Потому, что тебе еще не всё по зубам.

— С тех пор, как я чищу зубы — мне всё по зубам!!!

*

Запись из дневника Наташи Долининой [5]:

«Прошел дождь. Окно открыто, и стало холодно. Костя его закрывает. Юрка сквозь слезы:

— Открой! Открой, папа, ведь пахнет!

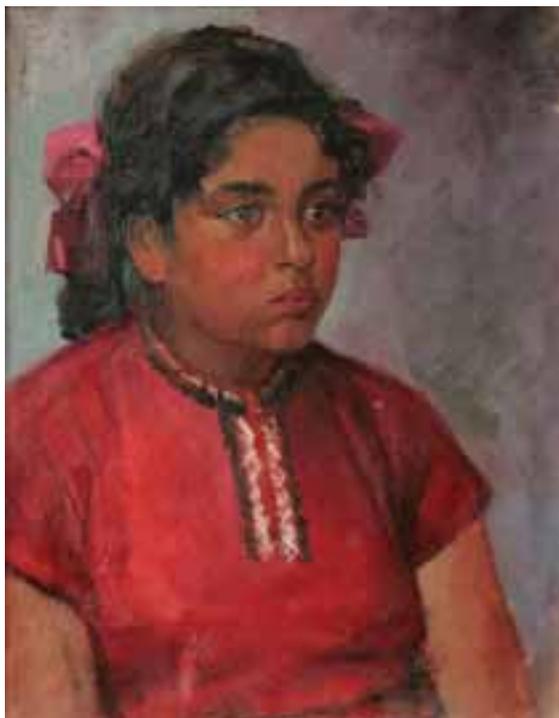
Костя:

— Что пахнет?

Юра:
— Пахнет! Улица пахнет!
Костя:
— Чем, сын?
Юра:
— Какой-то брюквой!»
Хорошо как!

8 июля 55 г.

Мы в Риге.
Галка скоро придет. Она в подмосковном походе.

Саша: портрет работы П. А. Валуся.
Дубулы, лето 1955 г.

12 июля 55.

Марина Адамян (20 лет):
— Саша, у тебя красивая сестра?
Саша:
— По-моему, красивая.
Марина:
— А как люди говорят?
Саша:
— Люди говорят по-разному.
Молчание.
Марина:
— У твоей сестры много поклонников?
Саша, сухо:
— У моей сестры много *товарищей*.
Чуть погодя:
— А что лучше — товарищи или поклонники?

Марина:
— Как когда! *

Саша:
— Мама, по-моему, в моей голове уже все понятия правильные, и испортить меня уже нельзя. *

Саша:
— Мама, ты — веточка, а мы с Галей на тебе листочки.
— Что-то непохоже.
— Галя непохожа, потому что она уже сама по себе. А я — похожа.

Галя
в туристическом походе.
Лето
1955 г.

Ф. А.
Лето
1955 г.

[1] В это лето ходили слухи, что в Москве-реке, где купались песковцы, плавает «волосатик» — существо, похожее на волос, которое впивается в человека и может дойти до сердца.

[2] Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958) — русский художник-авангардист, один из основателей художественного объединения «Бубновый валет». В 1928–1937 гг. жил за границей. В сороковые годы подвергался проработке как «формалист».

[3] Эрзя (1876–1959) — русский скульптор, родом из Мордовии (псевдоним Эрзя — по одной из ветвей мордовского народа). В 1927–1950 гг. жил и работал в Аргентине, потом вернулся в Советский Союз. В 1954 г. в Москве была выставка его скульптур.

[4] Пьеса для детского театра Александры Яковлевны Бруштейн.

[5] Наталья Григорьевна Долинина (1928–1979) — ленинградская учительница и писательница, друг Ф. А.

Послесловие

Александры Раскиной

Ф. А.
с внучкой
Натасей.
1963 г.

На самом деле дневники эти ни в каких особенных пояснениях или дополнениях не нуждаются: они самодостаточны. Да и не много можно сказать в журнальном послесловии. Но что-то сказать попробую.

Поговорю чуть-чуть о том, как мама справлялась с моей «советскостью» вплоть до 1953 года. Лидия Корнеевна Чуковская рассказывала мне, что ее моя правдивость прямо-таки ужасала, и она однажды спросила у мамы: «Фрида, когда вы рассчитываете разбить Саше голову?» А мама ответила: «Не надо будет разбивать: она сама всё поймет». Откуда эта уверенность? Расскажу такой случай. Однажды в 4-м классе (конец 1952 г.) прихожу я из школы и говорю: «Мама, нам велели сделать доклад о великой дружбе». В этот день на уроке учительница велела нам привести пример великой дружбы. Нина С. встала и сказала: «Саленко и Яснопольская» — были у нас в классе такие две девочки. Ну что говорить — учительница эту Нину бедную чуть не убила. Так что дело это было явно серьезное, и я не хотела ударить в грязь лицом.

Выбор для доклада был такой: Ленин и Сталин, или Маркс и Энгельс, или Герцен и Огарев. Я говорю маме: «Я хочу взять Ленина и Сталина». Мама говорит: «Давай лучше возьмем Герцена и Огарева. Я тебе помогу». Я говорю: «А что, Ленин и Сталин не дружили?» Мама нашлась: «Знаешь, — говорит, — у

них была очень большая разница в возрасте». Я этот разговор помню, как сейчас. Видно, что я была совершенно готова к тому, что в школе нам сказали неправильно. А мама знает, как правильно. Видимо, мама это про меня понимала.

И, пожалуй, вот о чем еще скажу. Из дневников видно, что папа за меня всё время волновался и, будь его воля, вообще бы куда меня не пускал. А что же мама? А мама возражала папе и настаивала на своем, если речь шла о действительно важных вещах. Например, папа хотел отдать меня в школу с восьми лет, а мама настояла, чтоб с семи. Подумать только, что я могла бы пойти в школу в восемь лет и не подружилась бы с Галей Людмирской!

Или вот такой случай. Когда мне было 11 лет, у нас в классе умерла девочка. Очень хорошая девочка, Рита Лазарева. У нее была какая-то врожденная болезнь, с которой тогда не умели бороться. Она была обречена.

Мы должны были пойти на похороны в крематорий всем классом. Папа ни за что не хотел меня пускать. А мама сказала: «Нет, надо пойти». Честно говоря, я и сама не рвалась. Я боялась. Никому не говорила, но боялась. Мама, наверно, это поняла. Она сказала: «Я пойду с тобой». И пошла. И всё время держала меня за руку. Заиграла музыка. Мама шепнула мне: «Это колыбельная Моцарта». Страшно не было. Было только очень-очень грустно.

Вот только об этих двух вещах, о которых никто, кроме меня не знает, я и хотела рассказать. Была бы жива моя сестра Галя Кулаковская (Киселева), она бы, наверно, тоже могла рассказать что-то важное, что осталось за кадром, — но Гали нет.

Теперь, в нескольких словах, как сложилась жизнь нашей семьи в последние годы.

В 1957 г. мы из нашей ужасной коммунальной квартиры в Ермолаевском переулке переехали в кооперативную квартиру у метро «Аэропорт». В 1959 г. Галя окончила институт и стала преподавать физику в школе, а я поступила на вечернее отделение филфака МГУ и работала лаборантом в лаборатории машинного перевода. Мы с Галей получали одинаковую зарплату: 740 рублей («старыми» деньгами). С первой зарплаты мы с Галей, скинувшись, купили маме первую в ее жизни пишущую машинку — «Колибри». В 1964 г. мама послала ее Бродскому в деревню, где он отбывал ссылку.

В 1961 г. Галя вышла замуж за Толоу Киселева, а в 1962 г. у них родилась дочка Наталья. Первая внучка наших родителей (и единственная, которую застала мама). Что мама будет замечательной бабушкой, никто и не сомневался. Но оказалось, что и папа теперь волнуется, главным образом, за внучку. «Саша, — сказал он мне как-то, — у тебя

нет ли температуры? Смотри, не зарази Наталью!» Папа очень Наталью любил и написал о ней книжку стихов для детей под названием «Ребенок Наталья». Книжку целиком ему издать не удалось, но какие-то из стихов были напечатаны, в частности, в журнале «Семья и школа».

В 1962 г. вышла замуж и я — за Сашу Вентцеля. И так нам с Галей повезло, что родители любили обоих наших мужей.

Это всё были счастливые годы. У родителей выходили книжки; статьи мамини, хоть и нелегко проходили в печать, и чем-то, бывало, приходилось жертвовать, — но всё-таки публиковались. Постоянно мама кому-то помогала, кого-то защищала, и — непонятно, как это ей удавалось — всегда добивалась своего. Но вот наступил 1964 год. Суд над Иосифом Бродским. Обвинительный приговор: ссылка на 5 лет в деревню в Архангельской области. И что бы мама ни делала, кого бы к делу ни подключала, куда бы ни писала, кому бы ни посылала свою запись суда — всё упиралось в какую-то стену.

Осенью 1964 года мама заболела. Неизлечимо. И до последнего дня она мучилась тем, что не может помочь Иосифу. 7 августа 1965 г. мама умерла. Бродского освободили в сентябре.

Папа после смерти мамы впал в депрессию и очень долго из нее выбирался. С трудом возвращался в работу. В конце концов к работе вернулся, но почти куда не выходил. Он пережил маму всего на 6 лет.

Мамин любимый брат Изя умер в январе 1968 года. Наша бабушка, «мама Соня», умерла в октябре того же года, пережив обоих детей. Дедушка, «папа Аба», был счастливее: он умер в 1960 г.

А в 1974 году, 7 января погибла Галя. Она поехала на зимние каникулы со своим девятым классом на Западную Украину, в город Коломыю. Перед самым возвращением в Москву у кого-то из ребят заболел живот. В общем-то ничего особенного, но Галя вызвала скорую помощь, а сама побежала в аптеку. Через дорогу. Эта самая «скорая помощь» неожиданно выехала из-за стоящего у тротуара грузовика и сбила Галю. Прошло уже больше 35 лет, но ее ученики до сих пор приходят к ней на могилу.

Мама, папа, Изя, дедушка, бабушка, Галя — их давно уже нет в живых, но на страницах этих дневников они все живы и до поры до времени счастливы.

...И я бесконечно благодарна покойному Петру Ильичу Гелазония, который не только предложил мне напечатать мамини дневники в этом замечательном журнале, но и на протяжении многих месяцев был для меня таким редактором, о котором можно только мечтать.